Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Я.И. Зарницкий

Филарет (Дроздов), митрополит Московский, как проповедник

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 12. С. 419-753.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ,

какъ проповѣдникъ.

Филаретъ М Московскій

Такъ многостороння, такъ изумительно обширна и плодотворна была дѣятельность Филарета, митрополита московскаго, что подъ живымъ впечатлѣніемъ кончины приснопамятнаго святителя почитатели его не находили словъ, чтобы изобразить неизмѣримую великость утраты, понесенной въ лицѣ почившаго церковію московскою, церковію всероссійскою, церковію православною восточною. «Нѣтъ ума столь глубокаго, говорили тогда, чтобы исчерпать шестидесятилѣтнюю, изумительно благотворную и разнообразную дѣятельность преставившагося святителя. Нѣтъ знанія столь обширнаго, которое могло бы обнять все содержаніе этой дѣятельности, большею частію сокровенной и только въ необходимыхъ случаяхъ являвшейся міру. И какъ бы кто ни усиливался изобразить свойства и дѣянія преставившагося святителя, — никакое изображеніе не будетъ вполнѣ достойно его великой памяти: все будетъ блѣдно, скудно, убого. Удобѣе—молчаніе, благоговѣйно, молящееся [1])».

Чрезъ пятнадцать лѣтъ со времени кончины митр. Филарета, 26 декабря 1882 г., исполнилось столѣтіе со дня рожденія великаго святителя. Съ подобающею торжественностію былъ отпразднованъ этотъ юбилей, особенно въ Москвѣ и Петербургѣ [2]). Не мало статей, проповѣдническихъ словъ, рѣчей и чтеній, посвященныхъ его памяти, вызвано было этимъ случаемъ, но и тогда замѣчалось, что «умственный и нравственный обликъ покойнаго святителя, во всей его духовной широтѣ, цѣлости и правдѣ, во всѣхъ разнообразныхъ жизненныхъ проявленіяхъ его существа, не скоро еще сдѣлается доступнымъ исторически-правдивому и полному воспроизведенію, потому что не пришло еще время, когда можно

---

[1]) „Душеп. Чт.“ 1868 г Январь, стр. 27. Слова проф. моск. духовн. акад. А. Ѳ. *Лаврова-Платонова*, впослѣдствіи Алексія, архіеп. литовскаго.

[2]) Въ Москвѣ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ 1883 г. былъ изданъ „Сборникъ по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія (1782 — 1882) Филарета, митр. московскаго“. въ 2-хъ обширныхъ томахъ. Во второмъ изъ нихъ (стр. 1—825) напечатано описаніе юбилейнаго торжества и оригинальныя статьи, вызванныя этимъ случаемъ. Въ Петербургѣ отъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ прав. церкви предложено было въ залѣ городской Думы 17 декабря 1882 г. чтеніе о митр. Филаретѣ свящ. А. А. Дерновымъ, а въ самый день юбилея, 26 декабря, и въ слѣдующее воскресенье, 9 января 1883 г., тамъ же два чтенія Я. И. Зарницкимъ по программѣ настоящей статьи. 9-го же января въ Исаакіевскомъ каѳедр. соборѣ въ присутствіи Св. Синода за литургіей бывшій о. предсѣдатель Общества, прот. Н. И. Разановъ, сказалъ слово о заслугахъ для русской церкви приснопамятнаго святителя.

было бы знать все объ немъ и вполнѣ безпристрастно судить о его дѣятельности, отчетливо представляя условія, въ какихъ онъ жилъ и служилъ церкви Христовой. И время это едва ли скоро наступитъ... Пока возможно лишь представить отдѣльныя, отрывочныя и неполныя страницы изъ книги его жизни» [1]).

Этимъ соображеніемъ отчасти объясняется и то, что первая попытка обстоятельной, научно-составленной біографіи митр. Филарета появилась сравнительно поздно, именно только въ 1893 г., когда прот. А. Смирновымъ издана была книжка: «Дѣтство, отрочество, юность, годы ученья и учительства въ Троицкой лаврской семинаріи митр. Филарета» (1782—1808 г.)».

На ряду съ изданіемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ литературныхъ трудовъ самого митр. Филарета, на что было обращено особенное вниманіе просвѣщенныхъ почитателей памяти почившаго святителя, за истекшее тридцатилѣтіе составилась, можно сказать, цѣлая литература «о Филаретѣ» и «по Филарету». Отдѣльно и въ повременныхъ изданіяхъ появлялись и продолжаютъ появляться извлеченія изъ его сочиненій по тѣмъ или другимъ вопросамъ церковно-общественной жизни, воспоминанія о немъ, характеристики дѣятельности его въ извѣстной области и т. под. Такъ какъ самое видное мѣсто въ его литературной дѣятельности должно быть отведено церковному проповѣдничеству, то, конечно, и оно не осталось безъ изслѣдованій [2]).

Краткая характеристика проповѣдничества Филарета, митр.

---

[1]) „Странникъ“. 1882 г. Декабрь, стр. 652.

[2]) Въ этомъ отношеніи должны быть отмѣчены слѣдующіе спеціальные труды: 1) Книжка Ѳ. С. *Левашева* подъ заглавіемъ: „Направленіе и характеръ проповѣди Филарета, митрополита московскаго“. Спб. 1876 г. (Изъ журнала „Странникъ“ за 1875 г.) 2) Статьи, помѣщенныя въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“ за 1877 г., подъ заглавіемъ: „Насколько въ проповѣдяхъ преосв. Филарета московскаго выразилось отношеніе проповѣдника къ современности“. 3) Брошюра М. А. *Чепика*: „Митр. Московскій Филаретъ, какъ гомилетъ“. Тверь. 1892 г. (Изъ „Тверск. Епарх. Вѣд“.). 4) Проф. московской духовной академіи И. Н. *Корсунскій*. кромѣ разныхъ статей о Филаретѣ, напечаталъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1884 — 1893 г.) цѣлый рядъ статей, обозрѣвающихъ проповѣдническую дѣятельность Филарета за разные ея періоды. Изъ этихъ статей вышелъ въ 1894 г. отдѣльнымъ изданіемъ обширный томъ (1053 стр.) подъ заглавіемъ: „Святитель Филаретъ, митр. московскій. Его жизнь и дѣятельность на московской каѳедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени (1821 — 1867 гг.)“. Это, безъ сомнѣнія, самый капитальный и выдающійся спеціальный трудъ по изслѣдованію проповѣднической дѣятельности такого великаго проповѣдника, какимъ былъ Филаретъ, митр. московскій.

московскаго, въ память исполнившагося нынѣ тридцатилѣтія со дня кончины нашего знаменитаго церковнаго витіи, составляетъ предметъ и настоящаго очерка, который, само собою понятно, не можетъ претендовать на полноту, подобающую ученымъ изслѣдованіямъ. Для большей же цѣльности очерка мы считаемъ не лишнимъ предварительно отмѣтить и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ біографіи святителя, особенно имѣющія отношеніе къ его проповѣдничеству.

Филаретъ, въ мірѣ Василій, родился въ гор. Коломнѣ 26 декабря 1782 г. Онъ былъ сынъ соборнаго діакона, впослѣдствіи протоіерея, Михаила Ѳеодоровича Дроздова. Не смотря на свое сравнительно невысокое положеніе въ церковной іерархіи, этотъ соборный діаконъ отличался высокою образованностію, такъ какъ состоялъ учителемъ мѣстной семинаріи. Онъ зналъ не только латинскій языкъ, но и французскій, любилъ читать и пріобрѣтать въ собственность книги почему либо интересныя для него, такъ что и при скудости матеріальныхъ средствъ, какими располагалъ, онъ могъ составить довольно изрядную домашнюю библіотеку [1]). Естественно думать, что эта любовь отца къ занятіямъ книжнымъ была унаслѣдована и сыномъ. Мать его была простая, но добрая, благочестивая и одаренная свѣтлымъ умомъ женщина. Какъ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ древнихъ великихъ пастырей церкви: св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и бл. Августина, — и здѣсь сказалось благотворное вліяніе матери на первоначальное развитіе духовныхъ силъ юнаго сына. Прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности вынесъ онъ изъ домашняго воспитанія: это—чистое, проникнутое духомъ искренняго благочестія сердце. Не напрасно же доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ самою лучшею, незамѣнимою приготовительною школою для посвящающихъ себя духовному званію [2]).

Впрочемъ, первые годы дѣтства мальчикъ В. Дроздовъ провелъ большею частію въ домѣ своихъ дѣдушки и бабушки (по матери). Дѣдушка его былъ священникомъ Бого-

---

[1]) Объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ чертамъ въ письмахъ къ нему сына. См. «Письма» №№ 127, 85, 200 и 202.

[2]) Прот. А. В. Горскаго изъ слова при отпѣваніи.

явленской церкви въ Коломнѣ же. Воспріимчивый внукъ постоянно ходилъ съ благочестивой бабушкой къ церковнымъ службамъ и живо подмѣчалъ всѣ подробности богослуженія, которое производило на него сильное впечатлѣніе. «Имѣя всегда предъ глазами пожилыхъ дѣдушку и бабушку, наблюдая ихъ степенный видъ и скромный образъ жизни, мальчикъ самъ легко поддавался подражанію имъ, незамѣтно отливался въ ту же форму, усвояя печать не дѣтской солидности, медлительности въ движеніяхъ, серьезности и разсудительности» [1]).

Девятилѣтній Василій Дроздовъ былъ опредѣленъ въ коломенскую семинарію, гдѣ отмѣчался какъ ученикъ «дарованій, прилежанія, успѣховъ похвальныхъ». За упраздненіемъ же коломенской семинаріи, будучи 17-ти лѣтъ, поступилъ по экзамену въ философскій классъ троицкой лаврской семинаріи. Въ первое время своего воспитанія здѣсь не мало неудобствъ и лишеній разнаго рода пришлось вынести юношѣ. Впослѣдствіи, въ одной изъ проповѣдей онъ такъ характеризовалъ школьный бытъ своего времени: «изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ поученіи нашемъ разгорался огнь* (Псал. XXXVIII, 4), когда въ согрѣвающемъ или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина» [2]). Не смотря однако на эти внѣшнія, неблагопріятныя для учебныхъ занятій, условія, онъ, по свидѣтельству префекта,—своего ближайшаго начальника,—оказалъ въ философскомъ классѣ лаврской семинаріи «похвальнѣйшіе успѣхи».

Въ теченіе слѣдующаго двухгодичнаго богословскаго курса Дроздовъ слушалъ уроки богословія, исторіи, греческаго и еврейскаго языковъ и медицины. По богословію онъ аттестованъ былъ: «отлично остръ, прилеженъ и успѣшенъ», по греческому языку: «препохвально, прекрасно»; по еврейскому—поставленъ выше всѣхъ товарищей. Особенная любовь Василія Михайловича къ проповѣдническимъ занятіямъ сказалась уже въ то время, когда онъ былъ еще на школьной скамьѣ. При крайней скудости матеріальныхъ средствъ, при крайней бережливости въ расходахъ, заставлявшей тер-

---

[1]) Прот. А. Смирнова. „Дѣтство, отрочество"... стр. 24.
[2]) Изъ слова по освящ. храма моск. дух. семинаріи.

пѣть лишенія въ самомъ необходимомъ, напр. въ принадлежностяхъ костюма, въ одномъ письмѣ своемъ къ отцу (№ 30) онъ выражаетъ свое, какъ видно, давнее намѣреніе и проситъ позволенія купить «Анастасіевы слова» и одобренное владыкою сочиненіе о трехъ темпераментахъ, способное, по его мнѣнію и выраженію, дать хорошую нравственность. Съ блестящимъ успѣхомъ окончилъ курсъ ученія Василій Михаиловичъ Дроздовъ въ 1803-мъ году. О немъ и еще о другомъ товарищѣ его сдѣланъ былъ ректоромъ такой отзывъ: «и по прилежанію и по остротѣ ума, какъ въ другихъ наукахъ, такъ и преимущественно въ поэзіи, они, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ. Отличаются особенною скромностію». Въ томъ же году знаменитымъ тогдашнимъ владыкою московскимъ Платономъ студентъ богословія Василій Дроздовъ былъ назначенъ учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ воспитавшей его школѣ. Въ послужномъ спискѣ молодаго учителя за этотъ годъ отмѣчено: «По-гречески переводить, писать и говорить можетъ совершенно». Затѣмъ здѣсь же въ 1806-мъ году онъ опредѣленъ былъ учителемъ поэзіи и высшаго краснорѣчія. Такимъ образомъ первыя учебныя должности, какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витіи. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библіи познакомило его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богомудрыхъ отцевъ греческихъ. Творенія св. Григорія Богослова своимъ глубокомысліемъ особенно были сродны его духу и съ такою любовью были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія, на греческомъ языкѣ, сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни. [1])

Въ 1808-мъ году учитель реторики В. М. Дроздовъ «по довольномъ размышленіи», какъ самъ онъ выражался въ одномъ письмѣ къ своему родителю, окончательно рѣшился осуществить свое давнее намѣреніе и сдѣлать крупный шагъ къ перемѣнѣ своего «состоянія». «Обучаясь и потомъ обучая подъ архипастырскимъ вашего высокопреосвященства покровительствомъ,—пишетъ онъ митрополиту, — я научился, по крайней мѣрѣ, находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе расположило меня ко званію монашескому.

---

[1]) Надгробное слово прот. А. В. Горскаго.

Я тщательно испытывалъ себя въ семъ расположеніи въ теченіи почти пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской. И нынѣ, ваше высокопреосвященство, милостивѣйшаго архипастыря и отца, всепокорнѣйше прошу вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ совершить мое желаніе, удостоя меня монашескаго званія». И это желаніе его было исполнено: въ самую кипучую пору жизни (26 лѣтъ) онъ облеченъ былъ въ монашескую рясу. Такъ изъ учителя Василія Дроздова сдѣлался инокъ Филаретъ, вскорѣ рукоположенный въ іеродіакона. Но недолго послѣ того Промыслъ Божій судилъ о. Филарету послужить на мѣстѣ своего воспитанія. Изъ среды иноковъ вызываютъ его на среду высшаго служенія въ сѣверную столицу. Здѣсь открывается ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности, требующее, конечно, и новыхъ усилій. Но быстро растутъ его успѣхи и онъ восходитъ отъ славы въ славу. Ему поручается прежде всего не легкая и безпокойная, по его собственнымъ словамъ, должность инспектора с.-петербургской семинаріи, съ занятіемъ каѳедры философскихъ наукъ, затѣмъ онъ рукополагается въ іеромонаха, назначается преемственно ректоромъ Александро-невскаго училища, баккалавромъ богословскихъ наукъ въ духовной академіи, возводится въ санъ архимандрита, назначается ректоромъ и профессоромъ академіи, настоятелемъ новгородскаго Юрьева и потомъ московскаго Новоспасскаго монастыря, получаетъ степень доктора православнаго богословія, участвуетъ въ качествѣ члена въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ [1]), ревизуетъ разныя духовно-учебныя заведенія и, наконецъ, въ 1817-мъ году возводится въ высокій санъ епископа. Менѣе двухъ лѣтъ состоялъ онъ викаріемъ с.-петербургской митрополіи въ званіи епископа ревельскаго. Недолго затѣмъ управляетъ Филаретъ въ санѣ архіепископа и съ званіемъ члена Св. Синода епархіями сначала тверскою, а потомъ ярославскою: въ 1821-мъ году онъ вступаетъ на первосвятительскую каѳедру первопрестольной Москвы, а черезъ 5 лѣтъ возводится въ санъ митрополита московскаго. На этой, такъ сказать, сугубой

[1]) Какъ-то: въ коммиссіи духовныхъ училищъ, въ комитетѣ о рѣшеніи того, какимъ образомъ должны производиться въ финляндскихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла о людяхъ духовнаго званія греко-россійскаго исповѣданія, въ совѣтѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ строительномъ комитетѣ при с.-петербургской духовной академіи и въ главномъ правленіи училищъ.

высотѣ священноначалія еще яснѣе раскрылись духовныя доблести знаменитаго іерарха [1]).

При чрезвычайной сложности и многосторонности своихъ трудовъ архипастырь не переставалъ съ усиленною ревностію служить дѣлу распространенія и утвержденія здраваго ученія вѣры Христовой и путемъ административнымъ, и литературнымъ, и обширною частною перепискою и устными бесѣдами съ тѣми, кто только желалъ получить отъ него наставленіе, но особенно и предпочтительно путемъ церковной проповѣди.

Въ 1867-мъ году, августа 5-го, исполнилось пятидесятилѣтіе служенія его въ епископскомъ санѣ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ по этому случаю указана и оцѣнена эта многосторонняя дѣятельность маститаго святителя. Именно, — за непрерывныя заботы о духовномъ преуспѣяніи паствъ, о развитіи и пріумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи единовѣрія, о

---

[1]) Мы позволимъ себѣ привести лишь нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ обширнаго послужнаго списка его, куда, какъ извѣстно, заносятся болѣе крупные служебные труды и гдѣ нельзя искать указаній на частную дѣятельность, выходящую изъ круга прямыхъ служебныхъ обязанностей. Эти отмѣтки, по крайней мѣрѣ, могутъ свидѣтельствовать о разнообразіи трудовъ первосвятителя московскаго. Здѣсь мы читаемъ:

„1823 г. іюня 2, Высочайшимъ рескриптомъ, за дѣятельное служеніе церкви и духовному просвѣщенію, какъ въ прохожденіи пастырскаго поприща въ разныхъ епархіяхъ, такъ равно по званію члена Св. Синода и Коммиссіи духовныхъ училищъ, за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины Катихизиса, одобреннаго Св. Синодомъ, сопричисленъ къ ордену св. Александра Невскаго.

1828 г. января 7, по напечатаніи въ Синодальной типографіи, по Высочайшему соизволенію, составленныхъ имъ „Краткой священной исторіи“, также „Краткаго и пространнаго Катихизисовъ“, съ прибавленіемъ наставленій для воиновъ, и поднесенныхъ Его Величеству, объявлена Высочайшая благодарность.

1854 г. ноября 6, за труды, понесенные въ дѣлѣ обращенія рогожскихъ раскольниковъ ко св. Церкви и истинно пастырскую распорядительность въ этомъ дѣлѣ, объявлена признательность и благодарность Святѣйшаго Синода.

1857 г. мая 31, за особенное постоянное попеченіе о благоустройствѣ моск. дух. академіи объявлена признательность Св. Синода.

1860 г. декабря 30, Высочайшимъ рескриптомъ, за труды въ дѣлѣ сбора въ пользу сельскихъ церквей могилевской епархіи священной утвари и ризъ, объявлена ему Высочайшая признательность.

1861 г. мая 21, Всемилостивѣйше пожалована ему золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому дѣлу.

1864 г. апрѣля 23, объявлена признательность Святѣйшаго Синода за труды по измѣненію изображеній и надписи на священныхъ антиминсахъ.

Октября 23, объявлена признательность Святѣйшаго Синода за заботливость и стараніе къ увеличенію свѣчнаго дохода.

благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, за щедрую поддержку оныхъ, многочисленныя пастырскія писанія, глубокую опытность въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, пастырскую попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра, простирающееся далеко за предѣлы отечества,— предоставлено ему право, по кіевскому обычаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ. При этомъ была Всемилостивѣйше пожалована и одна изъ панагій, особо для него изготовленная и украшенная драгоцѣнными камнями на брилліантовой цѣпочкѣ. Сверхъ того ему пожалованы были портреты трехъ Вѣнценосцевъ, въ царствованіе которыхъ проходилъ онъ свое достославное служеніе церкви и отечеству [1]).

Пятидесятилѣтній юбилей московскаго святителя былъ едва ли не самою лучшею и высшею наградою, какую только міръ могъ принести знаменитому юбиляру, ознаменовавшему служеніе свое церкви и государству неисчислимыми заслугами. Въ этотъ день онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть и слышать выраженіе привѣтствій отъ Вѣнценосца русскаго и особъ царствующаго дома, отъ Святѣйшаго собора русской церкви, отъ восточныхъ святѣйшихъ патріарховъ и отъ православныхъ церквей востока, отъ сонма русскихъ святителей и пастырей, паствы московской, разныхъ обществъ, учрежденій, вѣдомствъ и лицъ, даже отъ инославныхъ [2]).

Къ общему прискорбію, не долго суждено было маститому юбиляру пережить день свой. Чрезъ три съ половиною мѣсяца послѣ юбилея, 19-го ноября 1867-го года, по совершеніи божественной службы, онъ скончался на 85-мъ году своей жизни. 12-ть ударовъ въ большой московскій колоколъ оповѣстили Москву о постигшемъ ее и всю Русь православную несчастіи [3]). Быстро разнеслась эта тяжелая вѣсть всюду. И вотъ какія мысли и чувства выразило общество при этой вѣсти: «Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—

---

[1]) „Душеп. Чт.“ 1867 г. т. II, стр. 303—304.

[2]) Письма къ нему по случаю юбилея отъ примаса епископальной церкви въ Шотландіи Роберта, епископа муррейскаго, и оксфордскаго епископа Самуила помѣщены въ „Душеп. Чт.“ 1868 г. май. Стр. 23—24.

[3]) „Душеп. Чт.“ 1867 г. т. III, стр. 197.

сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая... Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствовавшаго до конца духа. Смолкло художественно-важное слово, полвѣка и болѣе полувѣка раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ [1]).

Сошелъ въ могилу этотъ доблестный служитель вѣчнаго Слова, но оставилъ онъ намъ свое мощное слово въ своихъ твореніяхъ. Какъ писатель онъ стоялъ и будетъ стоять на недосягаемой высотѣ. „Всюду единственный, вездѣ неподражаемый, въ Бозѣ почившій святитель создалъ своими писаніями особый міръ, неудобо-досягаемый для обыкновеннаго ума. Это идеалъ, и мѣрою приближенія къ сему идеалу долго будетъ измѣряться достоинство церковнаго писателя. Удѣлъ его литературныхъ трудовъ—безсмертіе на ряду со всѣми геніальными произведеніями. Его творенія блещутъ мыслями, какъ алмазами. Его слово—какъ будто сковано изъ стали и золота. Всесторонность его литературнаго генія ясна изъ того, что во всѣхъ почти родахъ словесныхъ произведеній онъ оставилъ памятники, созданные рукою генія... Онъ великій проповѣдникъ и ораторъ, поэтъ, философъ, историкъ, догматикъ, апологетъ, канонистъ»[2]).

Но самую видную страницу въ біографіи почившаго святителя представляетъ, какъ мы сказали, его проповѣдническое служеніе. «Слова и рѣчи» Филарета—трудъ изъ всѣхъ его литературныхъ трудовъ самый обширный, трудъ всей его жизни. Геніальность митр. Филарета нигдѣ не проявлялась съ такою полнотою, силою и яркостью, какъ именно въ его проповѣдяхъ, стяжавшихъ ему славу великаго учителя даже и среди инославнаго міра. По своему высокому достоинству они «навсегда останутся недосягаемымъ идеаломъ церковной проповѣди глубокой, блещущей обиліемъ, силою и высотою мысли,—идеаломъ, къ которому долженъ стремиться всякій проповѣдникъ православной церкви. По нимъ воспитались многія поколѣнія пропопѣдниковъ и всегда будутъ изучать

[1]) Слова Аксакова. См. Записки Н. В. Сушкова, стр. 152.
[2]) „Душеп. Чт.“ 1868 года, январь, стр. 41—42.

ихъ, какъ образецъ истинно-христіанскаго витійства въ православной Россіи» [1]). Въ безсмертныхъ проповѣдническихъ трудахъ Филарета заключается обильный источникъ назиданія и для всѣхъ ищущихъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, а для тѣхъ, кто призывается къ такому или иному участію въ дѣлѣ распространенія этого просвѣщенія, они должны имѣть руководственное значеніе. Великій іерархъ прилагалъ особенное тщаніе къ выполненію проповѣдническаго долга, потому что понималъ все высокое достоинство церковнаго слова. Поэтому же онъ былъ строгимъ судьею другихъ и требовательнымъ критикомъ тѣхъ многочисленныхъ проповѣдническихъ произведеній, которыя поступали къ нему на разсмотрѣніе. Не смотря на свои геніальныя способности, не смотря на свое обширное и глубокое знаніе слова Божія и человѣческой природы со всѣми ея изгибами, съ ея слабостями, не смотря на свой крѣпкій логическій умъ, на свой необыкновенный даръ слова, Филаретъ заботливо обработывалъ свои проповѣди и говорилъ ихъ обыкновенно по тетради [2]).

Мало того, онъ нисколько не стѣснялся даже поручать иногда свои проповѣди пересмотру другихъ лицъ, своихъ учениковъ, и смиренно подчинялся ихъ указаніямъ, признавая, что «во мнозѣ совѣтѣ премудрость». Такъ высоко цѣнилъ онъ церковно-публичное слово. Зато и «слава его проповѣдническаго дара была постояннымъ спутникомъ его служенія»,

---

[1]) „Душеп. Чт.“ 1868 г., январь, стр. 42.

[2]) Передаютъ, что Иннокентій, архіепископъ херсонскій, дивился, почему московскій митрополитъ Филаретъ, столь великій проповѣдникъ, говоритъ по тетрадкѣ. Это удивленіе, какъ бы отъ себя, выразилъ предъ владыкой архимандритъ Антоній, лаврскій намѣстникъ. Отчего, спрашивалъ онъ, не бесѣдуете вы съ народомъ въ храмѣ безъ приготовленія, какъ дѣлалъ это часто митрополитъ Платонъ? И въ обыкновенномъ вашемъ разговорѣ каждое ваше слово хоть въ книгу пиши... „Смѣлости недостаетъ,—отвѣчалъ владыка. Были впрочемъ случаи, когда я отваживался говорить безъ тетрадки и почти не готовясь. Такъ, при рукоположеніи Агапита во епископа томскаго въ Успенскомъ соборѣ, надумался говорить къ нему уже во время чтенія апостола. И что сказалъ тогда, забылъ по окончаніи рѣчи. Дня три уже спустя, когда ѣхалъ я куда-то, вспомнилъ, что говорилъ, и дорогой въ каретѣ записалъ. (Эта рѣчь сказана 12 августа 1834 года). Въ другой разъ, при торжественной закладкѣ храма во имя Спасителя въ Москвѣ 10 сентября 1839 года. На этотъ случай вовсе не думалъ говорить, изъ предосторожности, чтобъ не задержать Царя, да и надобно ли говорить,—не успѣлъ спросить министра двора, кн. Волконскаго. Уже на пути къ мѣсту закладки пришло на мысль, что не хорошо оставить пробѣлъ; подумалъ немножко и напалъ на мысли; говорилъ и разговорился такъ, что готовъ бы былъ и по окончаніи рѣчи говорить часъ или болѣе“. — Разсказъ Ѳ. А. Голубинскаго. Записки Сушкова; прилож.—стр. 48.

какъ прекрасно, между прочимъ, сказано въ привѣтственномъ адресѣ отъ с.-петербургской духовной академіи московскому владыкѣ въ день его пятидесятилѣтняго юбилея. И эта слава его, какъ проповѣдника, прибавимъ мы, предваряла славу его служенія на всѣхъ другихъ поприщахъ. Честь открытія и признанія въ немъ великаго проповѣдническаго дара принадлежитъ извѣстному московскому митрополиту Платону,—знаменитому проповѣднику времени Екатерины II-ой. Назначивъ въ 1806-мъ году Дроздова учителемъ поэзіи, архипастырь вмѣстѣ съ тѣмъ тою же резолюціею опредѣлилъ: «ему, для особеннаго дара, быть проповѣдникомъ при Троицкой лаврѣ, и говорить проповѣди чрезъ недѣлю, и, когда случится, въ праздники, и тѣ проповѣди намъ представлять». Назначеніе мірянина,—свѣтскаго человѣка, при томъ еще очень молодаго, хотя и богослова, оффиціальнымъ церковнымъ проповѣдникомъ, да еще въ Троицкой лаврѣ, этомъ разсадникѣ богословской науки—на ряду съ намѣстникомъ лавры—Симеономъ (Крыловымъ), впослѣдствіи архіепископомъ ярославскимъ[1]),—явленіе, можно сказать, исключительное, необычное. Видна тутъ и прозорливость архипастыря, умѣвшаго выбирать дарованія, и выдающійся талантъ назначаемаго, обратившій на себя вниманіе. И дѣйствительно, В. М. Дроздовъ вполнѣ оправдалъ ожиданія своего архипастыря, и старецъ-витія, Платонъ, съумѣлъ достойно оцѣнить и поощрить юнаго витію. Когда онъ прочиталъ «слово на день торжества освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ, говоренное въ 1806-мъ году января 12-го дня, греческаго и еврейскаго языковъ учителемъ Василіемъ Дроздовымъ,»—то такъ доволенъ былъ этою проповѣдью, что велѣлъ ее напечатать, не разъ самъ читалъ ее другимъ и писалъ викарію своему преосвященному Августину: «а у меня проявился отличный проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я сообщу вамъ его проповѣдь, и удивитесь». Это было первое печатное слово В. М. Дроздова. Точно также было удостоена архипастырскаго одобренія и другая проповѣдь Василія Михайловича, говоренная имъ по особому назначенію владыки въ великій пятокъ. Проповѣдникъ получилъ тогда отъ владыки въ подарокъ два гранатовыхъ яблока (Пис. № 78). Подаривъ молодому учителю экземпляръ своей «Краткой церковной исторіи», Пла-

[1]) Записки Сушкова, стр. 70.

тонъ сдѣлалъ на книгѣ такую надпись: «господину Дроздову, отличному проповѣднику». Вообще митрополитъ Платонъ такъ любилъ и цѣнилъ проповѣди Дроздова, что иногда сравнивалъ его съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ, на одной проповѣди его сдѣлалъ надпись: «tu es princeps praeconum»,— (ты—глава проповѣдниковъ, князь среди проповѣдниковъ), и говаривалъ, сравнивая себя съ нимъ: «я пишу по-человѣчески, а онъ по-ангельски». Такъ отзывался о немъ Платонъ, нашъ знаменитый проповѣдникъ, который и самъ, еще на 20-мъ году отъ рожденія, съ такою славою витійствовалъ на церковной каѳедрѣ, что многіе изъ его слушателей добивались знакомства съ нимъ и называли его не иначе, какъ вторымъ Златоустомъ или московскимъ апостоломъ [1]). Такъ на смѣну заходящаго свѣтила на церковномъ горизонтѣ поднималась новая необыкновенная по величинѣ и сіянію звѣзда. «Я берегу его на свое мѣсто», говорилъ о Дроздовѣ прозорливый архипастырь.

Въ Петербургѣ Филаретъ, какъ проповѣдникъ, получаетъ общую извѣстность. Могучее слово его раздается въ самыхъ важныхъ, въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Его приглашаютъ проповѣдывать слушателямъ высшаго аристократическаго общества; онъ проповѣдуетъ даже при дворѣ. И нужно сказать, что проповѣдническая дѣятельность архипастыря была признана и оцѣнена по достоинству. Замѣчательно, что первая Всемилостивѣйшая награда, полученная имъ въ 1811-мъ году—наперсный крестъ съ драгоцѣнными камнями—пожалована была именно за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія. Затѣмъ онъ сопричисляется къ ордену св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-ой степени, къ ордену св. Александра Невскаго, награждается алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, между прочимъ, за назидательные и краснорѣчивые труды въ проповѣдываніи слова Божія. И со стороны духовныхъ критиковъ и со стороны свѣтскихъ слушателей и читателей—со стороны всего общества, даже со стороны иностранцевъ раздавались самые лестные отзывы о проповѣдяхъ Филарета. Такъ с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ, прочитавъ въ рукописи проповѣдь Филарета на день Благовѣщенія, писалъ проповѣднику: «проповѣдь вашу на Благовѣщеніе я читалъ: она, по моему мнѣнію,

[1]) Минуты паст. досуга—еп. Гермогена. Т. II, стр. 157.

есть самая лучшая изъ всѣхъ вашихъ проповѣдей». Другой рецензентъ, присутствующій членъ Святѣйшаго Синода, Меѳодій тверскій, называетъ «достойною сановитаго наставника» проповѣдь Филарета на день Пятидесятницы. Тогдашній оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, князь А. Н. Голицынъ называлъ Филарета «извѣстнымъ нашимъ проповѣдникомъ» и говорилъ по поводу слова при гробѣ князя Кутузова-Смоленскаго, «публика приняла его съ особою похвалою» [1]), не разъ просилъ митрополита Амвросія поручить Филарету говорить проповѣди въ лаврѣ каждый праздникъ и постоянно посѣщалъ по праздникамъ лавру вмѣстѣ съ другими высокопоставленными лицами. О томъ, какъ общество увлекалось проповѣдями Филарета, весьма ясно свидѣтельствуетъ уже и самый выборъ дней, назначаемыхъ для его проповѣдыванія и то, что оратора наперерывъ приглашаютъ вельможи столицы въ свои домовыя церкви для служенія и проповѣдыванія [2]), и то, наконецъ, что его проповѣди быстро расходились между слушателями и читателями. На просьбу своего отца прислать ему экземпляръ одной проповѣди Филаретъ пишетъ: «экземпляровъ и у меня осталось мало. . Доселѣ находятся такіе, которые просятъ. Одинъ свѣтскій человѣкъ, имѣвъ и читавъ, пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ, чтобъ найти меня: съ своею любовію къ христіанству убѣдилъ меня сдѣлаться ему знакомымъ [3]). Одинъ изъ греческихъ митрополитовъ, посѣтившій въ пятидесятыхъ годахъ Россію, когда описывалъ на нашемъ малодоступномъ ему языкѣ, дополняя рѣчь свою жестами,

---

[1]) Минуты наст. досуга, еп. Гермогена. Т. II, стр. 169.

[2]) Благодаря своимъ проповѣдямъ Филаретъ дружески сблизился и съ княземъ А. Н. Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и любимцемъ Государя. 10 окт. 1813 г. Филаретъ, между прочимъ, говорилъ проповѣдь при освященіи домовой церкви у князя Голицына въ присутствіи Св. Синода и блистательнаго собранія дворянства. Эта проповѣдь имѣла такой успѣхъ, что проповѣдника просили повторить ее. Но онъ „не могъ себя принудить къ тому, говорилъ вмѣсто того бесѣду. Она счастлива тѣмъ, пишетъ онъ, что въ 30 день прошедшаго мѣсяца я заставленъ былъ служить въ томъ же храмѣ и повторить ее предъ такимъ лицемъ, котораго никогда не могъ представлять моимъ слушателемъ. Наканунѣ сего дня не повѣрилъ бы я никакому предсказанію о томъ, что случилось со мною въ сей день. Я слышалъ такія слова кротости, которыя меня растопляли какъ воскъ; такія слова благочестія, которыя воспламеняли меня". Хотя имя слушателя, о которомъ здѣсь упоминается, и не сказано, однако можно догадываться, что это былъ императоръ Александръ I. „Чтенія въ общ. люб. дух. просв." 1883 г. Январь. Библіографія, стр. 40.

[3]) Письмо № 125. „Чт. въ общ. люб. дух. просв." 1883 года. Январь, стр. 40.

впечатлѣнія, какія на него произвели нѣкоторые изъ нашихъ святителей, выразился такъ о Филаретѣ: «О, счастлива Москва! Счастлива Россія! О, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ! видѣлъ, видѣлъ...» Т. е. въ немъ,— московскомъ митрополитѣ — онъ видѣлъ этихъ трехъ проповѣдниковъ и учителей [1]). Нѣтъ нужды еще приводить отзывы о проповѣднической дѣятельности Филарета изъ привѣтствій, какія со всѣхъ концовъ Россіи были адресованы ему въ день пятидесятилѣтняго юбилея архипастыря. Достаточно указать на то, что самые единовѣрцы выразили ему въ этотъ день свою признательность за проповѣди. «Вашими неусыпными трудами и проповѣдываніемъ слова Божія, привѣтствовали они юбиляра, свѣтъ христіанскаго истиннаго ученія проникъ даже и въ мѣста, въ которыхъ заготовлялся и хранился запасъ раздоровъ, распрей и тьмы суевѣрія на ратоборство со святою церковію» [2]). Такъ была велика и такъ широко гремѣла слава Филарета проповѣдника!

И не удивительно. Цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ, почти безъ перерывовъ, раздавалось его вдохновенное слово, хотя въ послѣднія пять лѣтъ въ этомъ отношеніи сказалось замѣтное вліяніе наступившей старости проповѣдника. Съ 1862 года до самой кончины святителя уже не проповѣди въ собственномъ смыслѣ произносятся имъ, а лишь рѣчи по какимъ нибудь особеннымъ случаямъ, напр. рѣчи привѣтственныя.

Естественно ожидать, что при всеобщемъ вниманіи къ проповѣдямъ Филарета, онѣ не могли оставаться долго не напечатанными и, дѣйствительно, появлялись въ свѣтъ то въ періодическихъ изданіяхъ, иногда отдѣльными брошюрами, то цѣлыми собраніями по выбору самого проповѣдника. Всѣхъ такихъ собраній при жизни его издано было 6. Но не смотря на то, что въ отношеніи проповѣдей дѣятельность Филарета была почти совсѣмъ закончена вмѣстѣ съ послѣднимъ собраніемъ, тогда еще трудно было составить о нихъ опредѣленное, совершенно полное и отчетливое сужденіе библіографическое. Время произнесенія нѣкоторыхъ словъ въ этихъ собраніяхъ не было обозначено [3]), въ нѣкоторыхъ словахъ

---

[1]) Записки Сушкова—стр. 98.

[2]) Минуты наст. досуга. еп. Гермогена. Т. II, стр. 207.

[3]) Передаютъ, что когда митрополитъ приготовлялъ къ изданію въ трехъ книгахъ свои „Слова и рѣчи“ (1845 г.), нѣкто просилъ его означить время произнесенія каждаго изъ его поученій для того, чтобы

при позднѣйшихъ изданіяхъ перемѣнены названія и вообще сдѣлано много исправленій, а главное,—далеко не всѣ проповѣди, говоренныя владыкою, были избраны имъ для напечатанія. Извѣстно также, что нѣкоторыя проповѣди самъ проповѣдникъ отдавалъ съ собственоручною отмѣткою тѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, которые его просили о томъ. Въ 1885 году вышло въ свѣтъ новое полное изданіе словъ и рѣчей Филарета, которыхъ въ пяти объемистыхъ томахъ этого изданія помѣщено свыше 500. Для удобства же при пользованіи этимъ цѣннымъ достояніемъ нашей богословской литературы въ 1886 г. вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ книжка С. К. Б.: «Указатели къ словамъ и рѣчамъ высокопресв. Филарета, митр. московскаго». Въ книжкѣ три указателя: 1) предметовъ, содержащихся въ проповѣдяхъ; 2) текстовъ, надписанныхъ надъ проповѣдями и 3) всѣхъ мѣстъ свящ. Писанія, приводимыхъ въ проповѣдяхъ. Замѣтимъ кстати, что были опыты переводовъ проповѣдей Филарета и на иностранные языки. Такъ было сдѣлано два перевода на французскій языкъ: въ-первый разъ 26 словъ, во-второй цѣлаго собранія въ трехъ томахъ. Но нужно ли прибавлять, что творенія Филарета по возвышенности мыслей и своеобразности языка представляютъ непобѣдимыя трудности для переводчика. Даже въ самомъ удачномъ переводѣ не могутъ быть сохранены особенности строя, всѣ краски и характерные оттѣнки Филаретовой рѣчи.

Не по количеству только, но и по несравненному достоинству своему проповѣди Филарета составляютъ безсмертное достояніе нашей богословской литературы. Въ нихъ современный богословъ-проповѣдникъ можетъ найти достойные подражанія образцы для всѣхъ родовъ церковнаго краснорѣчія. Есть между ними много образцовъ, показывающихъ, какъ можетъ быть въ проповѣдяхъ предлагаемо назидательное объясненіе какого либо мѣста изъ священнаго Писанія; есть образцовыя проповѣди, излагающія православное ученіе о догматическихъ истинахъ — предметахъ вѣры (напр. о петлѣніи св. мощей, о безсмертіи души); есть проповѣди, посвященныя развитію какого либо предмета изъ области нравоученія христіанскаго,—какъ нужно жить христіанину (напр. о преданности Богу, о често-

можно было судить о постепенномъ развитіи его проповѣдническаго дара. „Меня судитъ Богъ“, сказалъ святитель („Душеп. Чт.“ 1869 года апрѣль, стр. 116).

любіи, противъ роскоши и убранства въ одеждѣ и др.); есть проповѣди съ историческимъ содержаніемъ (напр. на дни св. Сергія, надгробныя); въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ объясняется духъ и значеніе богослужебныхъ формъ и обрядовъ церковныхъ (въ день Пасхи 1845 года и о крестномъ ходѣ); въ иныхъ—проповѣдникъ возводитъ слушателей къ высшему вѣдѣнію при помощи объясненія явленій, наблюдаемыхъ естественными чувствами (напр. о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ). Не будемъ уже останавливаться на томъ, что въ проповѣдяхъ Филарета можно найти руководственное указаніе, — какія именно истины предпочтительно должны составлять содержаніе поученій на тѣ или другіе дни, на тѣ или другіе случаи, требующіе поученія.

Не возможно, да мы и не пытаемся въ бѣгломъ обозрѣніи передать все многообъемлющее и разнообразное содержаніе проповѣди Филарета. «Нѣтъ, думаю, — говоритъ авторъ Записокъ о жизни и времени его, — богословскаго вопроса, нѣтъ преданія отъ древнихъ временъ, нѣтъ истины евангельской, которыхъ бы не коснулся онъ съ примѣненіемъ къ жизни христіанина. Нѣтъ урока въ дѣяніяхъ и посланіяхъ апостольскихъ, въ писаніяхъ св. отцевъ, въ житіяхъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ, котораго бы не развивалъ онъ для малочитающихъ подобныы книги и притомъ очень мало подготовленныхъ къ ихъ пониманію самымъ воспитаніемъ и нехристіанскою жизнію. И дѣйствительно, его проповѣди и бесѣды восполняютъ духовный пробѣлъ въ воспитаніи русскаго народа и особенно такъ называемой образованной и просвѣщенной его части. Даже прикровенныя сказанія Апокалипсиса, когда онъ приводитъ ихъ, такъ изложены, примѣнены, объяснены, что и мало изучавшіе Откровеніе Іоанна Богослова отчасти проникаютъ въ тайный смыслъ таинственныхъ видѣній. А сколько вопросовъ невѣріе и невѣжество предлагали его вѣрѣ и вѣдѣнію! Вопросы о мощахъ и образахъ, вопросы о чудесахъ, вопросы о постѣ и т. д. и на всѣ найдутся у него отвѣты неопровержимые» [1]). О неистощимости его проповѣдническаго генія съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ его рѣчи. Сколько напр. рѣчей говорилъ онъ новопосвященнымъ архіереямъ или рѣчей привѣтственныхъ, и въ послѣдующихъ никогда не повторялъ сказаннаго въ предыдущихъ: въ каждой новая глубокая мысль, своеобразное

[1]) Записки Сушкова—стр. 97.

выраженіе. Если нѣкоторыя проповѣди были произнесены и не одинъ разъ, то каждый разъ съ новыми прибавленіями и значительными перемѣнами. Словомъ, достаточно сказать, что проповѣди Филарета въ своей совокупности представляютъ богатый матеріалъ для обширной, полной и законченной системы христіанскаго вѣроученія и нравоученія [1]).

Чтобы судить о тѣхъ качествахъ, которыя характеризуютъ проповѣди московскаго первосвятителя и дѣлаютъ ихъ образцами церковнаго краснорѣчія, позволимъ себѣ сдѣлать не большое отступленіе.

Проповѣдникъ, являясь на церковной каоедрѣ, представляетъ собою посредника между двумя сторонами. За нимъ святилище, куда должно быть устремлено все существо слушателей; предъ нимъ слушатели, которыхъ нужно привлечь въ это святилище. Задача посредника - проповѣдника состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно передать ученіе, исходящее изъ этого святилища, изложить предъ слушателями все то, что требуется для достиженія цѣли ихъ стремленій и указать вѣрныя и надежныя средства къ тому. Отсюда — два главныхъ условія дѣйственной проповѣди. Проповѣдь отвѣчаетъ своей задачѣ, если во 1-хъ, она вполнѣ согласна съ словомъ Божіимъ и ученіемъ православной церкви и, во 2-хъ, если она удовлетворяетъ потребностямъ слушателей, т. е. если она современна. И то и другое качество мы видимъ въ проповѣди Филарета.

«Каждая его проповѣдь, говоритъ одинъ компетентный его цѣнитель, есть строго экзегетическое развитіе библейскаго текста; поэтому истины, высказываемыя въ ней, не только непреложно вѣрны и, слѣдовательно, убѣдительны для каждаго вѣрующаго, но и служатъ точнымъ руководствомъ при изъясненіи Священнаго Писанія, какъ истины самой божественной истины. — Пройдутъ вѣка, настанутъ новыя поколѣнія, — многія краснорѣчивыя проповѣди упратятъ свой блескъ, но проповѣди Фила-

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, первый опытъ такой систематизаціи печатался въ „Курскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1880 г. подъ заглавіемъ: „Систематическое изложеніе догматическаго ученія, содержащагося въ проповѣдяхъ блаженной памяти митрополита Филарета». Въ казанской дух. академіи Высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ, въ бытность Владыки архіепископомъ казанскимъ, была назначена премія въ 300 р. за кандидатское или магистерское сочиненіе на тему: „Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митр. московскаго“ (Прав. Собес. 1883 г. Янв., стр. 92). И подъ такимъ заглавіемъ вышла тамъ книга г. А. Городкова въ 1887 г. А въ журналѣ „Странникъ“ свящ. Г. Вышеславцевымъ печаталось „Нравственное богословіе по сочиненіямъ Филарета, митр. московскаго“.

рета никогда не потеряютъ своей цѣны, какъ проповѣди св. отцевъ древней вселенской церкви» [1]). Мѣста Священнаго Писанія у него не только служатъ поводомъ къ расмышленію объ извѣстномъ предметѣ, но и основаніемъ, котораго онъ строго держится, на которомъ построяетъ всю проповѣдь, главнымъ доказательствомъ для подтвержденія своихъ мыслей и средствомъ для ихъ поясненія. Такова напр., его проповѣдь на текстъ: «*не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ*» (Псал. CIV, 15), представляющая столько частей, сколько понятій въ текстѣ. Установивъ понятіе о неприкосновенности, проповѣдникъ указываетъ въ текстѣ и «изъясненіе сего требованія и убѣжденіе къ послушанію. *Неприкасайтеся* властямъ предержащимъ, глаголетъ Вседержитель, ибо онѣ суть *Мои*; не прикасайтеся, ибо онѣ суть *помазанные* отъ Меня» [2]). Въ текстахъ, повидимому, простыхъ онъ находитъ такія стороны, которыхъ не могъ бы усмотрѣть другой; при объясненіи же текстовъ трудныхъ для пониманія онъ обнаруживаетъ такую тонкость, такую глубину и полноту богословствующей мысли, какія далеко не многимъ подъ силу. Такова, напр. проповѣдь на Благовѣщеніе, объясняющая текстъ: *Твердое бо убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. II, 19), или бесѣда о молитвѣ духомъ и умомъ на слова св. апостола Павла: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ* (1 Кор. XIV, 15). Онъ былъ убѣжденъ, что «въ каждой чертѣ слова Божія скрывается свѣтъ, въ каждомъ звукѣ премудрость» [3]). И никто, кромѣ его, не въ состояніи съ такою полнотою, съ такою подробностію выразумѣть и выяснить заключающійся въ письменахъ священныхъ книгъ «свѣтъ» и «премудрость». Для этого онъ обращаетъ строгое вниманіе на отношеніе изъясняемаго текста къ другимъ, съ которыми онъ стоитъ въ связи, на поводъ, на лица, на обстоятельства, на время, на оттѣнки выраженія, на обороты рѣчи и т. д. Съ удивительною, съ неподражаемою легкостію онъ дѣлаетъ сближенія и сопоставленія изъ разныхъ книгъ Священнаго Писанія какъ новаго, такъ и ветхаго завѣта. Видно, что книги Священнаго Писанія извѣстны были ему во всей ихъ

---

[1]) Толмачевъ—„Духъ христіан.“ 1861—62 года, стр. 495.
[2]) Слова и рѣчи 1848 г. Ч. II, стр. 134.
[3]) Сл. и р. Ч. II, стр. 49.

полнотѣ и широтѣ. Такъ, доказывая ту мысль, что и въ ветхозавѣтномъ законѣ дѣйствовалъ духъ любви, проповѣдникъ говоритъ: «Свидѣтельствуюсь въ семъ самыми заповѣдями закона Моисеева. *Возлюбиши Господа Бога твоего*, пишетъ онъ. Дивлюсь особенно сей заповѣди, когда сравниваю ее съ заповѣдію о родителяхъ: *чти отца твоего и матерь твою*. Какъ? Отца *почитать*, а Бога *любить*? Мы обыкновенно любимъ то, что къ намъ ближе и намъ подобнѣе; а что выше насъ, то почитаемъ. Почему, кажется, свойственнѣе было бы требовать *любви къ отцу*, и *почтенія къ Богу*. Нѣтъ, говоритъ божественный законъ: *чти отца; возлюбиши Бога*. Какъ бы такъ сказано: отца любить тебѣ свойственно и безъ заповѣди, также и чтить великаго Бога; заповѣдь учитъ тебя тому, что трудно было бы тебѣ уразумѣть безъ нея; итакъ отца не только люби по естеству, но и чти по волѣ Отца небеснаго; Бога не только чти по внушенію естества и совѣсти; но дерзай приступить къ Нему ближе, чего не дерзнулъ бы ты сдѣлать безъ благодатной заповѣди; возлюби Бога, яко отца; нареки Его *твоимъ Богомъ, Богомъ сердца твоего и частію твоею во вѣкъ* (Псал. LXXII, 26). О, возлюбленная заповѣдь любви! Какъ достойно сожалѣнія, что такъ долго не разумѣли силы твоей, сокрушали зубы о жесткую кору письмени, и не умѣли вкусить сладкаго зерна, въ ней заключеннаго» [1])! Когда вдохновенный проповѣдникъ, такъ неподражаемо искусно проникая подъ «жесткую кору письмени», извлекаетъ сладкія зерна, въ ней заключенныя, представляется даже, какъ будто и онъ самъ былъ участникомъ въ трудѣ богодухновеннаго писателя той или другой священной книги. Поэтому то его замѣчанія: «я говорю съ апостоломъ»..., «я желаю съ апостоломъ»..., «я забочусь съ апостоломъ»... и т. п. — получаютъ особенную силу и авторитетъ въ его устахъ.

Вѣрный слову Божію, проповѣдникъ твердо держится и того, что предано св. отцами и что хранитъ св. православная церковь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и выборъ самыхъ предметовъ для проповѣди, такихъ предметовъ, которые составляютъ отличительное ученіе нашей православной церкви отъ другихъ исповѣданій христіанскихъ, напр. о важности священно-таинственныхъ учрежденій, о преданіи, о нетлѣніи мощей, о поминовеніи усопшихъ. Объ этомъ свидѣ-

[1]) Сл. и р. Ч. I, стр. 88.

тельствуетъ и самый способъ развитія мыслей въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ, напр. одна проповѣдь въ день св. Пасхи посвящена назидательному объясненію утренняго богослуженія въ этотъ день, одна проповѣдь въ день Успенiи Пресвятыя Богородицы въ основаніи своемъ имѣетъ разъясненіе изображенія воспоминаемаго событія на св. иконахъ и т. под. Правда, и личность великаго Филарета не свободна была отъ упрековъ въ этомъ отношеніи. Былъ напр. случай, что одинъ свѣтскій человѣкъ, который «по своему произволу произвелъ себя не только въ богослова, но и въ судію вѣры и церкви», заподозрилъ проповѣдника въ неправославіи за то только, что въ одной изъ прекрасныхъ его проповѣдей на день Благовѣщенія приписывалось Іосифу, до явленія ангела, невѣдѣніе о тайнѣ Богоневѣсты. Но этотъ случай далъ поводъ проповѣднику только съ большею очевидностью обнаружить свое твердое и глубокое знаніе православнаго ученія. Оправдывая себя, онъ писалъ, между прочимъ, митрополиту Серафиму: «если меня осудить должно за то, что я не отъ себя, но по изъясненію словъ евангельскихъ, приписываю Іосифу невѣдѣніе въ семъ случаѣ, то гораздо болѣе должно осудить св. Златоуста, который въ семъ же случаѣ, въ приведенныхъ мною словахъ его, приписываетъ Іосифу не только невѣдѣніе, но и зазрѣніе. Гораздо также болѣе, нежели мою проповѣдь, осудить должно Богородичный акаѳистъ, въ которомъ приписывается Іосифу не только невѣдѣніе, которое при томъ выражено рѣзкими чертами: «Бурю внутрь имѣя помышленій сумнительныхъ, цѣломудренный Іосифъ смятеся, къ тебѣ зря небрачнѣй, и бракоокрадованную помышляя, непорочная»... Если св. Златоустъ правъ, если акаѳистъ священъ, то и согласная съ ними проповѣдь, вашимъ высокопреосвященствомъ одобренная, одобрена въ совершенную сообразность съ ученіемъ православной церкви» [1]).

Что же касается современности проповѣдей Филарета, то нѣкоторые почти отказываются признать въ нихъ это свойство—на томъ будто бы основаніи, что онѣ по содержанію своему представляютъ, за немногими исключеніями, трактаты о предметахъ, не имѣющихъ практическаго примѣненія, объ общихъ истинахъ христіанской догматики, что нравоученіе

[1]) Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1868 г. январь. См. Изъ бумагъ митроп. Филарета, стр. 27.

ихъ состоитъ большею частью въ приглашеніи къ пассивнымъ добродѣтелямъ молчанія, смиренія, терпѣнія и преданности волѣ Божіей [1]), что онѣ отрѣшены отъ дѣйствительной жизни, не указываютъ на обыденные частные случаи, не обличаютъ частныхъ уклоненій отъ христіанскаго идеала, что онѣ изложены отвлеченно, въ тонѣ какихъ то возвышенныхъ созерцаній, недоступно для пониманія слушателей.

На первый взглядъ такое сужденіе о проповѣдяхъ митрополита Филарета можетъ показаться дѣйствительно справедливымъ. Нельзя отрицать, конечно, того, что личныя особенности проповѣдника, глубоко понимавшаго доступныя разуму и вѣрѣ тайны богословія, любившаго погружаться въ эти тайны, выработавшаго и возвышенно-отвлеченный способъ изложенія, отражаются и въ его твореніяхъ. Но трудно согласиться, чтобы такой великій проповѣдникъ, какимъ былъ Филаретъ, который неоднократно самъ порицалъ проповѣди другихъ пастырей, не принаровленныя къ жизни слушателей, который называетъ такія проповѣди «суетнымъ трудомъ», который во избѣжаніе такихъ проповѣдей предлагаетъ пастырю «употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы знать своихъ овецъ и внутреннее ихъ состояніе» [2]), трудно, говоримъ, согласиться, чтобы самъ онъ не имѣлъ въ виду и не примѣнялъ въ собственной своей дѣятельности того, что настоятельно рекомендовалъ другимъ.

И дѣйствительно, если мы внимательно отнесемся къ нимъ, то можемъ усмотрѣть черты современности какъ въ выборѣ предметовъ для проповѣдей, такъ и въ характерѣ послѣднихъ, — но черты тонкія и потому ускользающія отъ поверхностнаго наблюдателя [3]). Насколько теперь можно судить объ этомъ, общество того времени, къ которому главнымъ образомъ относится лучшая пора проповѣднической дѣятельности Филарета, отличалось крайнимъ невѣдѣніемъ въ дѣлѣ религіи. Время простой вѣры миновало. Стали къ ней отно-

---

[1]) Ф. Терновскій „Новое Время“ 1883 г. 9 янв. № 2466.

[2]) Сл. и р. Ч. I, стр. 218. См. также Собр. мн. и отз. м. Фил. Т. II, стр. 22—24.

[3]) Изслѣдованіе проф. И. Н. Корсунскаго, разсматривавшаго проповѣдническую дѣятельность митр. Филарета въ связи съ событіями и обстоятельствами его времени, представляетъ множество доказательствъ того, какъ проповѣдникъ старался отвѣчать на запросы современнаго ему общества, и что общество это не остается безъ характеристики въ его проповѣдяхъ.

ситься критически, даже съ осужденіемъ. Выше всего ставили дѣятельность разума. Открывалось широкое поле для разныхъ вообще антирелигіозныхъ и антиправославныхъ идей. Одни держались прямо воззрѣній матеріалистическихъ, отрицая воскресеніе мертвыхъ, загробную жизнь, нетлѣніе мощей, — другіе индифферентно относились ко всякому вѣроученію, или вдавались въ религіозную экзальтацію, что видимъ въ масонствѣ, иные отдавали предпочтеніе римско-католическому вѣроученію, подъ вліяніемъ іезуитовъ и т. д.

Этими то обстоятельствами и обусловливались какъ содержаніе, такъ и характеръ проповѣди Филарета. «Можно ли говоритъ онъ, равнодушно видѣть многихъ изъ чадъ вѣры, живущихъ въ такомъ невѣдѣніи о томъ, во что они вѣруютъ, что имъ точно можно сказать сказанное самарянамъ: *вы кланяетеся Его же не вѣсте* (Іоан. IV, 22) [1]). «Въ наше время, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]), когда люди болѣе прежняго *взыскаша помысловъ многихъ* (Еккл. VII, 30), когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мыслепную дѣятельность, когда въ разнообразіи помысловъ многихъ ищутъ мнимаго образованія, изящества, удовольствія, корысти, славы, когда посему души ихъ такъ легко засѣваются мыслями плевельными, — особенно нужно воззывать людей къ размышленію основательному, чистому, возвышенному, благочестивому». Отвѣчая на современные запросы преимущественно предъ образованнымъ, умственно развитымъ классомъ общества, и стараясь заключить въ проповѣди возможно большую полноту христіанскаго вѣдѣнія, проповѣдникъ естественно долженъ былъ разсуждать преимущественно объ истинахъ вѣры и въ тонѣ философски-догматическомъ. Такъ, показывая недостаточность одного естественнаго разума для познанія высшихъ религіозныхъ истинъ, проповѣдникъ говоритъ: «по-истинѣ довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества естественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно-недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно извѣ-

---

[1]) Слова и рѣчи. Ч. I, стр. 242.
[2]) По изд. 1885 г. Т. V, стр. 152.

дать и измѣрить свои силы, средства, недостатки для сей великой цѣли; понять возможность, признать потребность откровенія свыше». Въ другой проповѣди онъ показываетъ безсиліе одного такъ называемаго свѣтскаго образованія доставить человѣку помощь и утѣшеніе въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. «Утверждаю, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастьяхъ никакія средства и пособія недостаточны безъ религіи. Одна религія, и при томъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Когда бѣда и зло у васъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ, одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце. Если трудно быть зрителемъ бѣдствій, то, конечно, еще труднѣе испытывать оныя на самомъ себѣ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ, то надобно же какъ-нибудь умѣть обходиться съ ними... Изыщите же средства утѣшенія. Здѣсь то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ сдѣлать человѣка благополучнымъ, независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее напр. въ больницу испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? «Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звеномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ»... Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли онъ, напротивъ, себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ? Что еще можетъ сказать страждущему философія? «Терпи, если не врачеваніе, то смерть прекратитъ твои страданія». Но если на семъ она остановится,—а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, мудрость Божія, помоги, божественная религія» [1]). Не мало и другихъ словъ проповѣдникъ посвящаетъ уясненію той мысли, что безъ благочестія, безъ религіознаго воспитанія одно обогащеніе ума мірскими ученіями не даетъ прочныхъ и благонравныхъ дѣятелей на пользу частную и общественную... «Нашъ умъ требуетъ познанія истины... Чтожъ, удовлетворяетъ ли при-

[1]) Сл. и р. Ч. II, стр. 28.

рода требованіямъ нашей разумной природы? Спросимъ основательныхъ искателей знанія, спросимъ любомудрствующихъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ довѣрія между ними признался, что усиленіемъ любомудрствованія онъ достигъ только одного познанія,—что «ничего не знаетъ». Если же такъ, то благоразуміе требуетъ, чтобы мы, какъ можно дѣятельнѣе, какъ можно вѣрнѣе послѣдовали воззванію Христову: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ.* Итакъ, души жаждущія, пріидите ко Христу. Онъ одинъ можетъ утолить вашу жажду истины, ибо Самъ есть истина» [1]).

Для предохраненія же своихъ слушателей отъ неправыхъ мнѣній о предметахъ вѣры, онъ раскрываетъ истинное ученіе, подрывающее эти мнѣнія. Такъ, въ виду распространенія рим.-католическихъ вліяній проповѣдникъ опровергаетъ западный догматъ о видимомъ главенствѣ въ церкви, обличаетъ заблужденіе латинянъ и относительно причащенія мірянъ, въ частности—младенцевъ. Онъ говоритъ: «Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ: *ядите* вси, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, напр. младенцы, но о таинственной чашѣ сказалъ: *пійте отъ нея вси*.. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди Господней тѣ, которые не допускаютъ до свят. Таинъ младенцевъ и малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста» [2]).

Много можно было бы привести и другихъ примѣровъ въ подтвержденіе той мысли, что догматическое содержаніе проповѣдей Филарета, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало требованіямъ тогдашняго времени. Тоже нужно сказать и о проповѣдяхъ по преимуществу нравоучительнаго характера. Любимыми предметами проповѣдника служатъ мысли о справедливости, о милосердіи, о человѣколюбіи, особенно о любви къ бѣднымъ, больнымъ, обиженнымъ. Предметы эти также вызывались неправильными отношеніями между различными классами тогдашняго общества. Если проповѣдникъ не вдается въ частности при развитіи этихъ мыслей, а раскрываетъ только общія основанія извѣстныхъ добродѣтелей,—это можно объяснить тѣмъ, что онъ прежде всего старается укоренить въ своихъ слушателяхъ истинное понятіе о духѣ христіанской нравственности въ томъ справедливомъ предположеніи,

---

[1]) Слово по освящ. храма Пр. Богородицы.
[2]) Сл. и р. Ч. II, стр. 40.

что частныя явленія жизни тогда опредѣлятся уже сами собой, безъ его руководства. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ преосвященный Филаретъ не касался и частныхъ случаевъ въ жизни поучаемыхъ, и проповѣди его какъ съ одной стороны свидѣтельствуютъ о наблюдательности самого проповѣдника, такъ съ другой — знакомятъ съ разными сторонами жизни его современниковъ, съ ихъ обычаями, требованіями, словомъ — не только, какъ онъ выражается, съ ихъ, «нездравыми понятіями», но «и неправыми правилами». Такъ онъ говоритъ проповѣдь противъ невоздержанія на сырной седмицѣ, противъ роскоши и убранства въ одеждѣ, указываетъ, что многіе неблаговременно являются къ богослуженію потому только, что отнятое у богослуженія время «посвящали тѣлу, изъ котораго въ это время творили кумиръ», что для многихъ храмъ не мѣсто молитвы, а мѣсто «свиданій, разговоровъ, даже распрей», такъ что «грѣховный шумъ праздословія нерѣдко сражается съ церковными звуками церковнаго чтенія и пѣнія»; вооружается противъ обычая устроятъ около церквей во дни храмовыхъ праздниковъ балаганы, — «оныя недобрыя скиніи, приготовляемыя для служенія лакомству или пьянству, для суетныхъ зрѣлищъ, для игръ, свойственныхъ дѣтямъ, но которыя не дѣти учреждаютъ и которыми не дѣти занимаются. Если въ день праздничный церковь полна, домы пусты, улица и торжище безмолвствуютъ: вотъ прекрасный видъ христіанскаго града». Онъ доказываетъ святость и необходимость посѣщенія храмовъ, неумѣстность мірскихъ занятій во дни, посвященные исключительно на служеніе Богу; обличаетъ заботы мужей, которые большую часть времени проводятъ въ томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ тѣмъ или другимъ путемъ тысячи, и заботы женъ, которыя тратятъ большія деньги на пріобрѣтеніе нужныхъ украшеній къ вечеру; указываетъ на то, что многіе посвящаютъ время «мірскимъ зрѣлищамъ, гдѣ игрушка — вещь или игрушка — человѣкъ играютъ вниманіемъ ихъ ума и движеніями сердца, гдѣ разновидно олицетворенные страсти и пороки оспариваютъ у нихъ похвалы, берутъ у нихъ деньги, — можетъ быть — тѣ деньги, въ которыхъ отказано бѣдному» [1]) и мн. др. Проповѣдникъ указываетъ даже, что «разсудительные изъ нихъ, т. е. людей, предающихся такому время-

[1]) Сл. и р. Ч. I, стр. 47—48.

препровожденію, — внутренно то признаютъ суетность сихъ занятій и потому только и раболѣпствуютъ суетѣ и убиваютъ ею время и деньги, что, отказавшись, имѣютъ причину опасаться, что покажутся страннымъ, отсталыми, и—боятся быть отлученными отъ общества, въ которомъ суета сдѣлалась закономъ» [1]). Или напр. по поводу толковъ о томъ, почему остановлено было печатаніе Катихизиса, составленнаго владыкою, въ день святителя Алексія сказано было имъ въ чудовомъ монастырѣ слово на текстъ: *Не мнози учители бывайте, много бо согрѣшаемъ вси».* (1824 г.) [2]).

Если же проповѣдникъ избѣгаетъ грозныхъ укоровъ и и рѣзкихъ обличеній, то дѣлаетъ это не безъ разсчета, а выходя изъ того справедливаго положенія, что путемъ мягкаго положительнаго разъясненія истины скорѣе можно привлечь къ ней слушателей, чѣмъ обиліемъ укоризнъ и обличеній.

Не только въ содержаніи, но и въ самомъ способѣ развитія мыслей нельзя не видѣть желанія проповѣдника приспособиться къ современнымъ требованіямъ. Время особеннаго развитія умственной дѣятельности, когда перестали слѣдовать авторитетамъ, когда предметы вѣры подвергались критикѣ, ставились вопросы: почему такъ, для чего, вѣрно ли это и пр., такое время и отъ глашатая божественныхъ истинъ съ высоты святительской каѳедры требовало «разсужденій, изслѣдованій, размышленій», какъ называетъ Филаретъ свои проповѣди. Отсюда разсудочность — ихъ отличительная черта. Проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей «вникнуть» въ его слова, «послѣдовать за нимъ окомъ ума». Этимъ же требованіямъ отвѣчаетъ полнота и необыкновенная сила доказательствъ въ пользу той истины, которую раскрываетъ проповѣдникъ. Не согласиться съ правильностію его выводовъ — значитъ обнаружить самое грубое, невѣжественное упорство. Онъ предупреждаетъ всякія возраженія со стороны слушателя и ставитъ его въ положительную невозможность что-нибудь еще возразить, или чѣмъ-нибудь оправдать уклоненіе отъ проповѣдническихъ наставленій [3]).

[1]) Направленіе и хар. проп. Фил. м. моск. Ѳ. Левашева, стр. 52.

[2]) „Душеп. Чт.“ 1870 г. Май, стр. 18.

[3]) Какое значеніе придавалъ митрополитъ Филаретъ логической аргументаціи, можно видѣть напр. изъ слѣдующаго. Переписка съ графиней Растопчиной, перешедшей въ римскую церковь и возражавшей владыкѣ, была имъ прекращена, потому что графиня, которой писали аббаты, не имѣя возможности доказать неосновательности сужденій сво-

Желая преподать основательное знаніе объ извѣстномъ предметѣ, проповѣдникъ прежде всего старается установить точное понятіе о немъ и затѣмъ разлагаетъ его на составныя части. Таково напр. у него превосходное опредѣленіе понятія *одежда* и мн. др. Иногда съ этою цѣлію въ своихъ опредѣленіяхъ онъ обращается даже къ словопроизводству. Напр. онъ говоритъ: «Послушаніе, по имени своему, есть послѣдованіе тому, что слышимъ, какъ наставленіе, или какъ повелѣніе». Или въ другомъ мѣстѣ: «Благословеніе, по своему имени, происходитъ отъ благаго слова» и т. д.

Впрочемъ такой разсудочный, такъ сказать, научный, отвлеченный характеръ проповѣдей Филарета не исключаетъ сердечности, души, теплоты чувства, которыми они всюду проникнуты и согрѣты. Правду говорятъ, что иногда философія граничитъ съ поэзіей. Къ проповѣдямъ Филарета въ этомъ отношеніи вполнѣ примѣнимо то, что онъ высказываетъ въ одной изъ нихъ, именно, что «убѣжденіе ума само собою перерождается въ немъ въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце». Для примѣра, какъ

его противника, уклонялась отъ защищаемаго мнѣнія и завязывала новые споры. Въ послѣднемъ отвѣтѣ графинѣ онъ писалъ:

„Логика учитъ, или если угодно иначе, разсудокъ сказываетъ, что когда доказательство справедливо и заключеніе изъ доказательства выведено вѣрно, то нельзя спорить противъ заключенія; ибо что выводится изъ истины и выводится вѣрно: то по необходимости есть истина, а не ложь.—Мнѣ предложили предметъ и назначили родъ доказательства. Употребивъ данный родъ доказательства, я вывелъ заключеніе. Не говорятъ, что доказательство ложно: не говорятъ, что заключеніе выведено невѣрно: слѣдовательно и заключеніе не оспоримо.

Но, минуя доказательство, вновь начинаютъ споръ противъ заключенія: симъ образомъ, кому есть досугъ, продолжать можно всякій споръ безъ конца, пріискивая разные призраки противоположныхъ доказательствъ.

Между прочимъ требуютъ *многочисленныхъ* доказательствъ. Доказательства не деньги, которыхъ чѣмъ больше у кого есть, тѣмъ болѣе тотъ можетъ купить. Если есть одно твердое доказательство: то истина стоитъ безопасно, хотя бы тучи стрѣлъ, т. е. возраженій, въ нее пустили. Господу надлежало доказать противъ саддукеевъ важную истину—воскресеніе мертвыхъ. Онъ употребилъ одно доказательство: *О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль? Нѣстъ Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мато. XXII, 31 32). Неужели сказать, что доказательство сіе не годится, потому что одно, а надобны *многочисленныя*? И враги Господа не сказали сего; *но слышавше народи дивляхуся* (33), и самые фарисеи признавались, *яко посрами саддукеи* (34). Итакъ требованіе многихъ доказательствъ не ослабляетъ одного даннаго; хотя впрочемъ и многія представлять полезно, когда того требуютъ обстоятельства“ „Душеп. Чт.“ 1870 г. Май, стр. 19—20.

живо говоритъ въ проповѣдникѣ благочестивое чувство, приведемъ одно мѣсто изъ слова на Благовѣщеніе. «Дивны твои тайны, Богородице! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто слышитъ твой тихій глаголъ въ твоей затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою твое малое слово? Міръ ощущаетъ ли сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между небомъ и землею? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая Дщерь царей, называющая себя рабою Господнею, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на гласъ евреянки сходитъ съ неба невѣдомая до тѣхъ поръ Премудрость, Которая *обуетъ премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнетъ* (1 Кор. 1, 19), но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя (Мо. XI, 25)? Что я говорю? Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и *безпрестанно день и ночь служаще надѣются доити* (Дѣян. XXVI, 7) до исполненія,—дослужились ли они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день, или въ сію ночь, внезапно приближились они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книжники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаіи (7, 14): *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, думаютъ ли они, что провидѣнная пророкомъ Дѣва, и уже уразумѣла сіе пророчество и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Іосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть дѣвою, — знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ, Она обручается Духу Святому, чтобы сдѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единыя, невѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И услы-

шавъ рано простыя, повидимому, слова благовѣщенія Маріина: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* — кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божія и объемлетъ время и вѣчность, ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго, и преобразитъ землю, и наполнитъ небо»... (Т. I, стр. 154).

По своей внѣшней формѣ проповѣди Филарета походятъ большею частію на ученыя разсужденія, отличаются особенною раздѣльностію частей, строгою логическою послѣдовательностію въ развитіи мыслей и замѣчательною стройностію. Рѣчь его дышетъ какою-то величавостью, важностію, сановитостію и звучитъ необыкновенно сильно. По поводу книжки Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» знаменитый графъ Сперанскій говаривалъ, «а я не знаю ни того, ни другого: я знаю только слогъ Карамзина и Филарета» [1]). Сколько бы въ продолженіи времени русскій языкъ не измѣнялся (къ развитію своему, или искаженію), языкъ Филарета отвердѣлъ въ своихъ гранитныхъ очертаніяхъ и останется навсегда языкомъ православной церкви, понятнымъ русскому люду и всей славянской братіи въ цѣломъ мірѣ [2]). Проповѣдникъ съ такою точностію выражаетъ возвышенныя мысли и едва уловимые оттѣнки ихъ, что бываетъ вынужденъ иногда употреблять даже такія слова родного языка, которыя мало употребляются, или совсѣмъ неупотребляются въ обыкновенныхъ разговорахъ [3]), но словъ иностранныхъ онъ тщательно избѣгаетъ. Богатство славянскаго языка представляетъ для него обильную сокровищницу, изъ которой проповѣдникъ съ неподражаемою легкостію и свободою извлекаетъ перлы для своей рѣчи, всюду проникнутой духомъ библейскимъ. Онъ дорожитъ словомъ проповѣдническимъ, старается сказать какъ можно больше въ маломъ объемѣ, выразить много мыслей въ немногихъ словахъ. По этому сжатость слога проповѣдей Фи-

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, соч. бар. М. А. Корфа. т. II. стр. 77—78. примѣч.

[2]) Записки Сушкова,—стр. 99.

[3]) Вотъ нѣкоторые примѣры такого словоупотребленія: „человѣкъ остановилъ въ себѣ присноживотное обращеніе славы Божіей,... нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса,... тайною рукою новонаписуемый образъ вѣка грядущаго,... осуществуетъ возлюбляемое,... истрыется подъ нами,... дать жизненность жизни,... не именовательно къ слышанію и познанію. но существенно къ бытію и благобытію,... дѣятельность тѣла воспящается сномъ,... посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ“ (вм. телескоповъ) и мн. др.

ларета служитъ выдающеюся особенностію ихъ. Если бы мы стали своими словами излагать содержаніе какой-либо изъ его проповѣдей, стараясь сохранить всю полноту мыслей, въ ней заключающихся, мы непремѣнно употребили бы на это больше словъ и времени, чѣмъ проповѣдникъ. Проповѣди Филарета, какъ алмазами, блещутъ обиліемъ художественныхъ фигуральныхъ оборотовъ, разныхъ діалектическихъ сближеній [1]) и множествомъ такихъ мѣткихъ и многознаменательныхъ изреченій, которыя сами могутъ быть предметомъ изъясненія и наставленія, какъ пословицы, напр. «смиренная молитва и молящееся смиреніе составляютъ нищету духа», «можно и жить въ мірѣ, но не быть отъ міра» и т. под. Нерѣдко проповѣдникъ прибѣгаетъ и къ сравненіямъ для поясненія излагаемой мысли, и сравненія его всегда чрезвычайно удачны. — «Любовь къ Богу, говоритъ онъ, все обращаетъ въ средство къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея, и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила: и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу» [2]).

Благодаря всѣмъ своимъ высокимъ достоинствамъ, проповѣди Филарета производили и производятъ сильное впечатлѣніе на образованныхъ слушателей и особенно читателей. «Святитель московскій неусыпно поучаетъ паству свою, а чрезъ нее и всю святую Русь, — говоритъ одинъ изъ усердныхъ его слушателей [3]). Словамъ его съ жадностію внимаютъ и пастыри и пасомые, дивясь обилію, разнообразію, зрѣлости, полнотѣ и силѣ поученій его» [4]). Проповѣдника называли «Златоустомъ московскимъ» и такъ увлекались его проповѣдями, что нѣкоторые постоянно прочитывали по одной или по двѣ проповѣди въ день. Знаменитый нашъ витія Иннокентій, архіепископъ херсонскій, во время предсмертной бо-

---

[1]) Образцы фигуръ: обращенія — въ словѣ при гробѣ императора Александра I, вопрошенія—въ томъ же словѣ и въ рѣчи на коронованіе императора Николая I, олицетворенія — въ словѣ на освящ. храма въ Троицкой лаврѣ, и др., діалектическихъ оборотовъ: „Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей слова? Нѣтъ болѣе слова. Слово, собезначальное Отцу и Духу,... умолкло“ и т. д. „О сей-то любви. христіане, да будетъ позволено мало нѣчто нѣмотствовать предъ вами“...

[2]) Записки Сушкова 32.

[3]) Алекс. Стурдза.

[4]) Минуты паст. досуга. Еп. Гермогена, т. II, стр. 195.

лѣзни своей почерпалъ мужество духу своему преимущественно въ чтеніи проповѣдей московскаго святителя [1]). Сравненіе Филарета съ Златоустымъ выражаетъ только мысль о необыкновенной сладости словъ московскаго святителя, о его необыкновенномъ краснорѣчіи вообще, но въ дѣйствительности — по складу своего ума и направленія, по возвышеннымъ предметамъ и по возвышенному изложенію ихъ онъ имѣетъ больше сходства съ другимъ витіею золотаго христіанскаго вѣка — Григоріемъ Богословомъ. Вслѣдствіе такого своеобразнаго характера проповѣдей митрополита Филарета, — слишкомъ осторожнаго и, такъ сказать, прикровеннаго изображенія обличаемыхъ явленій современной жизни, онѣ не могутъ быть названы популярными, общедоступными. Стремленіе къ популярности, какъ въ выборѣ «мелочныхъ» темъ, такъ и въ способѣ выраженія, а равно и свѣтскость архипастырь считалъ несоотвѣтствующими высотѣ и достоинству церковнаго слова. «Многіе находили, пишетъ авторъ нѣкоторыхъ воспоминаній о митр. Филаретѣ, М. Евреиновъ, что проповѣди нашего владыки темны и не довольно понятны. Это дошло и до его слуха, и потому однажды онъ сказалъ мнѣ: «говорятъ, будто я пишу такъ темно, что меня не понимаютъ, а мнѣ кажется, что я очень просто пишу; что вы скажете о семъ»?— Я отвѣчалъ ему, что въ его проповѣдяхъ кромѣ свѣта ничего не вижу и что я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его слушаю» [2]). По нашему же мнѣнію, такой отвѣтъ отзывается субъективностію и можетъ быть принятъ лишь съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Въ проповѣди Филарета нужно вчитываться и вчитываться внимательно, сосредоточенно, нужно изучать ихъ; — только при этомъ условіи могутъ быть поняты и оцѣнены ихъ достоинства. «Не скоро, говоритъ профессоръ Шевыревъ, можно проникнуть въ глубину ихъ содержанія... Но назидательно и пріятно погружать мысль свою, отвлекаемую разными предметами, въ мысль человѣка, которая вся живетъ въ чистой сферѣ духовной, вся сосредоточивается въ изслѣдованіи глубокихъ тайнъ ея... Не всѣ способны къ этому: для этого нужно внутреннее предрасположеніе и нужна рѣшимость... Надобно рѣшиться на то, чтобы ввѣрить себя крыльямъ орла, и летать съ нимъ по небу, или колоколу водолаза, — и спу-

[1]) Воспоминаніе о преосв. Иннокентіѣ. Свящ. И. Флорінскаго „Душеп. Чт.“ 1872. Іюль. стр. 205.

[2]) „Душеп. Чт.“ 1870 г. Іюль, стр. 77.

скаться съ нимъ въ глубины моря. Послѣ такихъ мыслительныхъ странствованій, око ума усиливается окомъ духа, и самые земные предметы, скидая оболочку свою, являются намъ яснѣе и прозрачнѣе. Много высокихъ впечатлѣній испытала душа, когда, ввѣрившись добровольно водительству жителя областей духовныхъ, странствовала она съ нимъ вмѣстѣ по заповѣднымъ ихъ глубинамъ. Много сокровищъ мысли, чувства и слова вынесла она изъ этого странствованія. Знаемъ,— сомнѣвается, кто не испыталъ того, но невозможно вложить въ его разумное сознаніе то, что не прошло чрезъ его сознаніе жизненное» [1]).

Сущность впечатлѣнія, производимаго могучимъ словомъ Филарета, прекрасно охарактеризована въ прекрасныхъ стихахъ нашего безсмертнаго Пушкина. Великій поэтъ говоритъ о немъ:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,—
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ [2]).

Здѣсь мы прежде всего не должны упускать изъ виду, что это говоритъ человѣкъ, который и по своему воспитанію и по своему духовному складу, и по своему геніальному дарованію, и по своимъ житейскимъ отношеніямъ, занятіямъ и

[1]) Москвитянинъ. 1846 г. № 1, стр. 181.
[2]) Собр. мн. и отз. Фил. мит. моск. Т. II. стр.254.

призванію шелъ съ блестящею славою по другой совершенно дорогѣ, вращался обыкновенно въ такой сферѣ, куда труднѣе всего могъ проникать голосъ церковнаго витіи, — словомъ,— человѣкъ, который, повидимому, менѣе всего былъ способенъ такъ смиренно преклоняться предъ какими-нибудь вліяніями. Между тѣмъ мы видимъ, что величавый голосъ проповѣдника не разъ и не при одинаковыхъ обстоятельствахъ поражаетъ этого человѣка. И каждый разъ рѣчи проповѣдника производятъ на поэта чрезвычайно сильное, неотразимое впечатлѣніе. Онъ прерываетъ свои поэтическія изліянія, которыя кажутся для него теперь пустыми «звуками безумства, лѣни и страстей», онъ неожиданно для себя самого разражается неудержимыми рыданіями, находитъ единственную отраду лишь въ благоуханныхъ рѣчахъ проповѣдника, видитъ въ нихъ цѣлительный бальзамъ для своей наболѣвшей совѣсти, для него дорого, что не упрекъ, не грозное слово обличенія, которое можетъ повергнуть въ отчаяніе, а сила кроткая и любовная сходитъ къ нему на помощь съ высоты духовной и смиряетъ буйныя мечты, его душа горитъ небеснымъ огнемъ, все земное представляется ему мрачнымъ и суетнымъ, онъ все такое отвергаетъ, отъ всего отрѣшается, чтобы всецѣло отдаться звукамъ серафимской арфы проповѣдника; весь обращается въ слухъ и въ нѣмомъ, священномъ ужасѣ, не обезсиливающемъ, но окриляющемъ духъ, внимаетъ этимъ, дѣйствительно, неземнымъ звукамъ.

Такъ благотворно размягчаются воспріимчивыя натуры подъ дѣйствіемъ могучаго, неподражаемаго слова великаго проповѣдника. «Подобное чтеніе, говоритъ одинъ почитатель его, служитъ какъ бы предохранительнымъ врачевствомъ на весь день отъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, пособіемъ къ борьбѣ насущной съ порокомъ и страстію; западаетъ иногда благая мысль въ сердце — и желается чистоты, кротости, незлобія; послышится любовный призывъ къ покаянію — и заговоритъ совѣсть въ смиреніи, и блеснетъ предъ очами духа свѣтъ истины, и исполнится душа рвенія къ молитвѣ,... и часто вспоминается, что человѣкъ есть храмъ Божій — и проникнешься трепетомъ, какъ бы не осквернить въ себѣ храма Божія. Такимъ образомъ привыкнешь мало по малу къ осторожности и самонаблюденію, и удается порой иному воздержаться отъ неразумнаго или обиднаго слова, отъ нечестиваго взгляда, удается иному порой обуздать движеніе

досады, подавить недоброе чувство, отогнать нехорошій помыслъ» [1]).

Что же касается проповѣдей, такъ называемаго, публицистическаго характера,—проповѣдей, обращенныхъ къ гражданскому смыслу, то они «въ наши дни не только не утратили своего значенія, но пріобрѣли большее чѣмъ имѣли въ тѣ отдаленныя времена, когда самъ владыка произносилъ ихъ съ церковнаго амвона. Теперь станутъ они понятны не умозрительно только, но и опытно; теперь могутъ они стать дѣйственною въ нашей жизни силой. Многое въ этихъ поученіяхъ покажется намъ сказаннымъ по возбужденію текущихъ событій и вопросовъ. Владыка говорилъ какъ бы въ предвидѣніи этихъ вопросовъ, которые насъ волнуютъ; онъ говорилъ какъ бы въ поученіе именно нашему времени. Читая его, мы какъ бы внимаемъ его голосу, какъ будто онъ самъ восходитъ снова на свою святительскую каѳедру для вразумленія мятущихся, для укрѣпленія колеблющихся [2]).

Я. Зарницкій.

---

[1]) Записки Сушкова, стр. 99.
[2]) „Русск. Вѣстн.“ 1882. Декабрь стр. 1001

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки